

Лилия Романова

Не верьте
тихому небу

Лилия Романова

Не верьте тихому небу

«Автор»

2026

Романова Л.

Не верьте тихому небу / Л. Романова — «Автор», 2026

Я пятнадцать лет летаю и давно учу других. Но на очередном испытании меня сносит с курса, и под моим именем появляется отметка: не справилась. Крылья исправны. Ветер, по словам комиссии, обычный. Только почему еще двое опытных летунов ошиблись в том же месте? Инженер Вальтер Ферст обещает проверить площадку. А на свидание зовет без всяких обещаний. Рядом с ним я впервые за долгое время хочу не доказать, что умею держаться в воздухе, а просто остаться до утра. Пока мы ищем причину странных неудач, кто-то настойчиво предлагает мне забыть о проверке и возглавить красивый протест. Чужой замысел становится яснее, а собственное счастье — сложнее: мне нужна правда, которую услышат все. Вальтер знает, какой опасной она может оказаться. И все же я хочу верить этому мужчине. Даже если с ним приходится спорить гораздо отчаяннее, чем с ветром.

© Романова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пряжка на чужом рукаве	5
Глава 2. Отметка под моим именем	11
Глава 3. Исправные крылья	16
Глава 4. Ветер ниже флюгера	21
Глава 5. Две тени над лугом	26
Глава 6. Когда можно остаться	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лилия Романова

Не верьте тихому небу

Глава 1. Пряжка на чужом рукаве

— Если вы еще раз повернетесь, мне придется уйти вместе с вами, — сказала я.

Мужчина у багажной стойки остановился с моей дорожной сумкой в одной руке и собственным рукавом в другой. Пряжка длинного чехла зацепилась за пуговицу его манжеты. Я держала чехол, он пытался высвободить рукав, а за нашими спинами нетерпеливо переступали люди с крыльями.

— У меня сегодня довольно скучный путь, — ответил он. — Канцелярия, склон, опять канцелярия.

— Тогда отпускайте немедленно.

— Я бы рад. Это ваша вещь проявила настойчивость.

Он попытался развернуть пряжку и только крепче прижал мою ладонь к своему запястью. Рука была теплой. На длинном пальце белел тонкий след старой рабочей мозоли, и я почему-то посмотрела на него, хотя стоило смотреть на застежку.

— Дайте сюда, — велела я. — И не помогайте.

— Трудное начало знакомства.

— Зато честное.

Я поддела металлический язычок ногтем, вытянула из-под него край сукна и освободила пуговицу. Мужчина отступил ровно настолько, чтобы мы перестали мешать проходу, но мою сумку не отдал.

— Вы просили поддержать, — напомнил он, когда я подняла глаза.

— Теперь прошу вернуть.

— Вальтер Ферст.

— Это условие?

— Это попытка начать заново.

Я рассмеялась и взяла сумку. На висках у него светлели первые седые пряди, а серые глаза смеялись чуть раньше рта. Лет ему было около сорока. Достаточно, чтобы не красоваться перед женщиной с тяжелой ношей, и, как выяснилось, недостаточно, чтобы отказаться от попытки.

— Фелица Фелл. А чехол вообще не мой. Мой вон тот, с красной завязкой. Мне выдали чужой.

— Значит, нас представили еще и при помощи чужой собственности.

— В Астервике обычно начинают с погоды. Но вы можете считать, что вам повезло.

Женщина за стойкой наконец разобралась со стопкой жетонов и обменяла чехлы. Я вытащила из своего сложенные рамы. Красная оторочка небесного льна мелькнула в щели, и знакомый вес лег на плечо. Перед испытанием мне всегда хотелось поскорее коснуться собственных крыльев, словно утренний разговор с ними мог заменить завтрак. Завтрак, впрочем, я тоже не пропускала.

— Вы выступаете? — спросил Вальтер.

— Подтверждаю право учить взрослых не разбегаться с закрытыми глазами. А вы?

— Проверяю площадки. Меня пригласил город.

Я перевела взгляд на папку под его локтем.

— Значит, это вы придумали сегодняшний коридор?

— Нет. И оценки вашим маневрам ставлю тоже не я.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны.

— Я еще не знал, что встречу вас.

Ответ пришел легко, почти буднично, и именно поэтому я улыбнулась. Со стороны склона позвали участников первой очереди. Я кивнула Вальтеру, подхватила крылья и пошла туда, где Гедвига уже размахивала мне рукой.

На ее ушах качались ярко-зеленые стеклянные листья.

— Ты разговаривала с новым инженером, — сообщила она вместо приветствия.

— Он попался на пряжку.

— Здесь полно удобных мужчин без пряжек. Почему непременно приезжий?

— Ты сейчас о чем?

— Я сама еще не решила. Помоги с плечевым ремнем.

Я положила свои крылья на козлы, проверила, не перекручен ли ее ремень, и потянула за свободный конец. Гедвига повернула плечами. Над западным склоном лениво ползли тонкие облака. Утро было теплым, но воздух еще не прогрелся, и трава холодила лодыжки даже через плотные чулки.

Северную площадку я знала хуже южной, на которой преподавала. Здесь низкий стартовый склон глядел на широкую песчаную полосу. К востоку стояли две невысокие посадочные мачты, южнее тянулась зрительская галерея под длинными полотнищами. К северу оставался открытый луг. Ничего тесного, ничего угрожающего. Для такого маневра место казалось даже щедрым.

Агнесса Бланц прошла вдоль участников с листами на дощечке. На гладком воротнике у нее сидела единственная серебряная застежка; каждый раз, когда она опускала подбородок, застежка ловила солнце.

— Напоминаю порядок. Разбег, вход, удержание линии, посадка между отметками. При невозможности завершить маневр уходите на свободный песок. Самовольного повтора в тот же день нет.

— Песок нам засчитывается? — спросил Иво Драст.

— Безопасное прекращение учитывается в записи. Завершенным маневром оно не является.

Он шумно выдохнул, будто Агнесса придумала это только что, ему назло. Я знала Иво по общим сборам инструкторов. Хороший летун, быстрый на решения, он терпеть не мог очереди и всякий раз вел себя так, словно именно очередь мешала ему стать окончательно счастливым человеком.

Гедвига наклонилась ко мне:

— Не слушай его. Он с утра спорит даже с водой в умывальнике.

— Вода тоже недостаточно опытная?

Она фыркнула и пошла на старт.

Я провожала ее взглядом. Рамы раскрылись за плечами, свет пробежал по натянутому льну. Когда она разбежалась, небесный лен принял воздух, сделался плотнее на вид, словно обычная ткань вспомнила, зачем ее натягивали. Подъем пришел постепенно. Ни рывка в небо, ни чуда из неподвижности: работа ног, верный наклон, струя под крылом. Я любила эту короткую границу, на которой земля еще принадлежала тебе, но уже переставала быть обязательной.

Гедвига прошла между мачтами ровно. Перед посадкой слегка приподняла нос рам, побежала по песку, удерживая их, и остановилась. В зрительской галерее хлопнули. Она сняла шлем, встряхнула короткими волосами и сделала в мою сторону такой поклон, будто только что исполнила арию.

На башенных часах за городской стеной было без четверти десять.

— Вот видишь, — сказала она, вернувшись. — Никакого величия. Даже песок из ботинка вытряхивать не пришлось.

— Не отчаивайся. Вечером найдешь другой повод быть несчастной.

— Уже нашла. Сегодня у меня занятия до пяти, а потом встреча. Если ты застрянешь здесь до ночи, провожать тебя некому.

— Я взрослая женщина.

— Именно. И сама умеешь выбрать себе неподходящий вечер.

Мы обменялись улыбками. Она поправила ремни на сложенных крыльях и отправилась переодеваться, оставив мне место на скамье.

Ожидание растянулось. Пропустили нескольких летунов, сделали перерыв для проверки отметок. Солнце вышло из-за белесой полосы облаков, нагрело спину. Я успела съесть припасенное яблоко и пожалеть, что не захватила пирога. Где-то внизу хлопнула створка телеги. Потом флажок на высокой мачте повернулся, замер и вытянулся к западу. По открытой площадке потянуло с востока.

Ветер был вполне рабочий. Я подняла лицо, привычно оценила его щекой, потом все-таки посмотрела на наблюдателя у приборного столба. Он что-то отметил в журнале и не поднял красного знака.

Иво стартовал следующим.

Сначала его проход ничем не отличался от прохода Гедвиги. Хороший разбег, чистый подъем, ровное снижение. Он летел к востоку, и мне со склона был виден рисунок на левой раме. Уже у низких мачт крылья вдруг ушли влево. Иво наклонил их обратно слишком резко; на мгновение показалось, что он удержит линию. Потом его ноги коснулись песка за северной отметкой. Он пробежал несколько шагов и остановился, развернувшись боком.

На галерее стало тихо.

— Поздно исправлял, — сказал кто-то рядом.

Мне тоже сперва пришла эта мысль. Иво любил сэкономить движение там, где лучше было сделать его заранее. Но снос получился странно коротким и сильным, словно крыло толкнули ладонью.

Он вернулся пешком, не глядя на людей. Агнесса встретила его у столика.

— Что произошло на входе?

— Вы мне скажите.

— Я спрашиваю о вашем действии.

— А я говорю о воздухе!

— Запишем ваше замечание. Беренгарда, пожалуйста, осмотрите крепления.

Беренгарда Лутц, приземистая женщина с косой, свернутой на затылке, протянула руку к его раме. Иво сначала дернул крыло к себе, затем отпустил и отошел. Он был цел. Именно это я повторила про себя, когда он прошел мимо, хотя обычно не нуждалась в таких мыслях после чужой посадки.

Следующим был седой инструктор, с которым я дважды встречалась на южных занятиях. Его широкие светлые крылья заметно отличались от узких рам Иво. Пока Беренгарда смотрела крепления первого комплекта, другой проверяющий занялся вторым. Люди у столика переговаривались. Агнесса подошла к приборному столбу, прочла журнал и вернулась.

Попытки продолжили.

Я следила за седым инструктором уже без утренней ленивой уверенности. Он вошел в коридор осторожнее, чем Иво, держал высоту чуть дольше. У низкой отметки его тоже понесло влево. Он сразу прекратил посадочный маневр и вышел ногами на северную часть песка. До линии оставалось больше шага.

— Двое, — сказала я вслух.

Стоявшая неподалеку девушка из комиссии обернулась:

— У каждого свое прохождение.

— Это я заметила.

Она покраснела. Я пожалела о тоне, но возвращать слова не стала.

Мое имя назвали через несколько минут. Крылья проверили еще раз. Беренгарда провела большим пальцем вдоль крепления, дернула поперечный ремень, посмотрела мне в лицо.

— Здесь все как надо, Фелица.

— Я знаю.

— Хорошо, что знаешь. Но проверять все равно будем.

Я кивнула. В ее сухом голосе была такая надежная обыденность, что мне стало легче. Пятнадцать лет в воздухе, восемь лет с учениками. Сколько раз я говорила людям: чужая неудача требует внимания, а не предсказания собственной. Теперь требовалось воспользоваться своим же советом.

Вальтер стоял у края склона с открытой папкой. Он поднял голову, когда я прошла мимо.

— Удачи, Фелица.

Я хотела спросить, что он думает о двух попытках. Вместо этого сказала:

— На этот раз постарайтесь не ловить мои пряжки.

Он не улыбнулся сразу. Посмотрел на коридор и ответил:

— Постараюсь стоять подальше от ваших вещей.

У стартовой черты я почувствовала ветер ладонями. Восточный поток встречал лицо ровно, без неприятной дробы. Я расправила плечи, проверила ногой плотность земли и дала знак.

Первые шаги были тяжелыми, как всегда. Потом крылья разгрузили спину. Я оттолкнулась, пропустила под собой верхушку склона и оказалась в знакомой простоте: воздух, рамки зрения, собственное тело между ними.

Песчаная полоса приближалась. Я видела обе низкие мачты и оставляла между ними достаточно места. Галерея шла справа. Под ее нижним краем колыхалась бахрома; движение прокатилось вдоль нее от одного конца к другому. Я отметила это краем внимания, как отмечают все, что шевелится рядом с полетом. Высокий вымпел впереди продолжал вытягиваться к западу.

А песок у северной мачты вдруг побежал влево.

Я еще успела увидеть короткую светлую полоску над землей, когда справа ударил воздух.

Правое крыло подняло, все тело понесло к северной стороне. Я удержала рамы от резкого наклона, подала правую чуть ниже и поняла, что на красивое исправление у меня осталось меньше пространства, чем хотелось. Песок скользил навстречу. Северная отметка оказалась почти под левым плечом.

Можно было дожать.

Эта мысль пришла мгновенно, горячо, совершенно отчетливо. Еще одно усилие, поворот рам, попытка вернуть линию до касания. Я умела делать это. Умела лучше многих, кто сейчас смотрел на меня с галереи.

Потом я увидела низкую мачту слишком близко и прекратила маневр.

Вывела крылья из опасного наклона, убрала лишний подъем, приготовила ноги. Земля приняла меня твердо. Я пробежала по песку, широко расставляя ступни, чтобы не дать рамам развернуть меня, и наконец остановилась.

За северной чертой.

В ушах шумело. Руки держали натяжение, хотя все уже закончилось. Я заставила себя отпустить один хват, затем другой. Обернулась к галерее. Люди сидели совершенно обычно: чья-то белая шляпа, чей-то поднятый локоть, полосатая спинка скамьи. Мир не счит нужным измениться из-за того, что я не справилась.

Ко мне бежал помощник с сигнальным платком.

— Вы целы?

— Да.

— Снимите крылья. Я помогу.

— Я сама сниму.

Он остановился, и я услышала собственную резкость. Разжала зубы.

— Подержите левую раму, пожалуйста.

Пока он держал, я освободилась из ремней. Я стряхнула песок с ладони, потом с другой, хотя на ней уже ничего не осталось.

Беренгарда встретила меня раньше остальных. Провела взглядом по льну, по креплениям, по моим ногам.

— Где толкнуло?

Я показала назад.

— Там. Справа. Когда стала опускаться между мачтами.

— Рама отвечала?

— Сразу. Все отвечало.

Она коротко кивнула и взяла крылья. Я не стала спорить. Их исправность сейчас казалась почти обидной: не за что было спрятать случившееся.

Агнесса остановила испытания. Я слышала, как она распорядилась убрать стартовый знак и пригласить наблюдателей к столу. На галерее заговорили громче. Кто-то спускался по ступеням, кто-то требовал объяснения, хотя никто еще ничего не знал.

Вальтер подошел ко мне с флягой воды.

— Это твоя? — спросил он, показав на красную завязку.

Он перешел на «ты» так незаметно, что я поняла это только потом.

— Моя.

Я взяла флягу, сделала глоток. Вода была теплая и пахла металлом пробки.

— Я должна была раньше сместиться вправо, — сказала я.

— Ты почувствовала толчок до входа?

— Нет.

— Тогда откуда взялось «должна»?

Я сердито посмотрела на него.

— Из пятнадцати лет полетов.

Он не ответил. И это молчание оказалось неприятнее утешения. Я ждала, что он начнет объяснять, почему все бывает, почему люди ошибаются, почему один день ничего не значит. Тогда можно было бы рассердиться по-настоящему.

Вместо этого он спросил:

— Что ты видела непосредственно перед сносом?

Я рассказала про песок и бахрому. Пока говорила, снова ощутила толчок под правой рамой и стиснула флягу обеими руками. Вальтер записал мои слова без поправок.

— Высокий выпел все это время был повернут к западу, — добавила я.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Что ты запомнила разницу.

К обеду нас отпустили из-под галереи, но не из ожидания. Гедвига вернулась, узнав от знакомого о закрытии площадки, и принесла мне булку. Я откусила, обнаружила внутри сладкую сливу и едва не расплакалась от нелепого несоответствия: я была готова ко всему, кроме повидла.

— Скажи что-нибудь противное, — попросила я.

— У тебя песок в волосах.

— Это недостаточно.

— Тогда сама придумай. У меня занятия.

Она крепко сжала мое плечо и ушла. Я проводила ее взглядом, завидуя тому, что у нее есть понятное место, куда надо идти.

К вечеру на стенде у служебного домика вывесили результаты. Толпа уже разошлась; ветер шевелил нижний угол листа. Я подошла одна, прочитала знакомые фамилии и нашла свою.

«Фелица Фелл. Не выдержала маневр. Продление преподавательского допуска отложено до дополнительного рассмотрения».

Строка занимала меньше места, чем утренняя подпись в журнале. Под ней стояла аккуратная печать Агнессы Бланц.

Я подняла руку, прижала лист к доске и прочла еще раз.

Глава 2. Отметка под моим именем

Я отняла руку от листа. Нижний угол сразу затрепетал, и на мгновение стало возможно представить, что запись исчезнет сама, если не держать ее на месте.

Дверь служебного домика была открыта. Внутри пахло нагретым деревом и пылью, которую за день нанесли с песчаной полосы. Агнесса сидела за столом без своей серебряной застёжки. Воротник у нее разошелся, на переносице осталась красная полоска от очков. Она складывала листы в папку и подняла на меня глаза с такой усталостью, будто мы уже успели посориться.

— Я хотела поговорить с вами завтра, Фелица.

— А написать обо мне успели сегодня.

Она выпрямилась.

— Результаты вывешивают в день испытания.

— Результат чего? Вы же сами остановили попытки.

— Именно поэтому продление отложено до рассмотрения.

Я придвинула к столу свободный стул, но не села.

— Там написано, что я не выдержала маневр.

— Вы вышли за посадочную отметку.

— Я прекратила заход после сноса. Так и напишите.

— В подробном листе это указано.

— На стене висит другой.

Агнесса достала из папки бланк.

— Посмотрите. Здесь отмечено прекращение попытки, место посадки и ваше замечание о поперечном порыве. Никто не скрывает обстоятельств.

— Кроме листа, который все будут читать.

— Этот лист не может вместить все.

— Мою фамилию вместил.

Она прижала ладонь к бланку.

— Я не собираюсь объявлять вас плохим преподавателем. Но я не могу выдать продление по незавершенному испытанию. Для этого тоже есть основания, и вы их знаете.

Я знала. Сама слишком часто видела, как знакомство с наставником принимали за право пренебрегать всем остальным. Утром я пришла подтвердить свое умение и была готова к честной проверке.

— Я прошу разобраться с условиями, — сказала я. — До того, как из моего незавершенного захода сделают готовый вывод.

— Условия были проверены.

— Тогда почему мы трое ушли на одну сторону?

— Это и предстоит выяснить.

— Вы слышите себя?

Агнесса сняла очки, которые только что успела надеть, и осторожно положила их на стол.

— Да. И вас тоже слышу. Я оставляю подробные листы без изменений, пока не получу заключение осмотра. Утром Беренгарда закончит работу. После этого мы решим, что проверять дальше.

— А до утра у меня на стене будет готовая причина.

Она не ответила сразу. Я ждала, что она выйдет, снимет лист, попросит переписать хотя бы строчку. Агнесса смотрела на бумагу перед собой. Потом сказала:

— Завтра приносите письменное замечание к формулировке. Я приложу его к материалам.

От стула все-таки была польза: я ухватилась за спинку и не сказала того, что уже стояло в горле.

— Прежнее разрешение продолжает действовать?

— Разумеется. До конца месяца.

— Мне не показалось это разумеющимся, когда я прочла стенд.

— Вы вправе закончить начатые занятия. Личные полеты тоже не ограничены. Но новую группу на срок после окончания допуска пока не набирайте.

— Ее уже набрали. Восемь взрослых. Первое занятие через неделю, курс займет больше месяца.

Впервые за весь разговор она посмотрела на меня без готового ответа.

— Тогда школе придется перенести начало или поставить другого преподавателя.

Я опустила на стул, не собираясь этого делать. За новый курс мне платили отдельно. На эти деньги я собиралась летом заменить полки в комнате, а еще перестать прикидывать каждый раз, можно ли заказать к ужину пирог целиком. Не великое состояние. Достаточно, чтобы чужое «придется» прозвучало тяжелее, чем Агнесса, наверное, хотела.

— Насколько перенести?

— Сейчас я не могу сказать.

— Ученики тоже не смогут. У них работа, семьи, отпуска. Они не умеют ждать в папке. Агнесса провела пальцем по краю очков.

— Я дам школе письменное пояснение о временном характере решения.

— Дайте сегодня.

Она перевела взгляд на окно. Снаружи уже складывали последний стол.

— Хорошо. Подождите.

Пока она писала, я слышала, как перо цепляется за бумагу. Злость никуда не делась, хотя хоть чего-то я добилась.

Беренгарду я нашла в мастерской при площадке. Она велела поставить мои крылья на отдельные козлы и запретила кому бы то ни было подтягивать ремни до осмотра. Теперь три пары рам лежали в ряд, совершенно разные, похожие только своей бесполезной неподвижностью.

Вальтер держал лампу над шарниром светлого крыла. Рукав у него был закатан, на том месте, за которое утром зацепилась пряжка, торчала длинная светлая нитка. Я опять посмотрела на эту нитку и сердито отвела глаза.

— Ты забираешь свои? — спросила Беренгарда.

— Если можно.

— Через полчаса. Первую проверку я закончила. Утром придет второй мастер, посмотрит отдельно и подпишет свое. Если оставишь здесь, не придется нести обратно.

Я положила пояснение Агнессы на край верстака. Беренгарда взглянула на печать, но не потянулась читать.

— Я хочу забрать их.

— Хорошо. Только утром до девяти принеси.

Вальтер опустил лампу.

— Как прошел разговор?

— Как посадка. Вышла за отметку, но ногами.

Я отвернулась к своим крыльям и расправила загнутуюся оторочку.

— Здесь все цело, — сказала Беренгарда. — Натяжение держится, ткань отвечает равномерно. Крепления не гуляют. До отдельного осмотра заключение будет предварительным, но чудес к утру я не жду.

— А лен мог перестать держать подъем на мгновение?

Она посмотрела на меня поверх рамы.

— Как именно?

— Не знаю. Потому и спрашиваю.

— Он работает с тем воздухом, который под него попадает. Если воздуха мало, подъем слабее. Если его толкнет сбоку, ты это почувствуешь. Сам по себе лен направление не выбирает. Я могу проверить нить, кромку, равномерность натяжения. Все, что зависит от крыльев, проверю. Что было с воздухом между мачтами, в этих рамах не найдешь.

— А в журнале нашли, — сказала я. — Там было спокойно.

— В журнале такого нет, — отозвался Вальтер.

Я обернулась. Он достал из папки лист с выписанными показаниями и положил рядом с пояснением Агнессы.

— Там есть направление, сила и время наблюдения на приборной мачте.

— Это разве не значит, что ветер был допустимым?

— На высоте прибора, в той точке. При таком ветре можно было начинать попытки, если остальная трасса проверена. Но показания не описывают каждый локоть над песком.

— То есть их вообще недостаточно?

— Представь ученика, который посмотрел на верхушку дерева у старта и решил, что в овраге будет точно так же.

— Я отправлю его посмотреть на овраг.

— Вот. Здесь это тоже надо было сделать.

— Ты же проверяешь площадки.

Беренгарда перестала трогать крепления. Вальтер сложил лист, потом снова расправил.

— Меня пригласили обследовать городские места обучения и предложить порядок повторной аттестации. Сегодня я знакомился с действующей площадкой. Приемку к этому испытанию подписывали до моего приезда.

— Удобно.

— Да, — сказал он неожиданно резко. — Для меня удобно. Для вас троих нет. От этого верхний прибор не начнет показывать нижний воздух.

Мы помолчали. Беренгарда взяла лампу из его руки и отнесла к моим крыльям.

Мне хотелось получить готовое объяснение, которое можно отнести Агнессе. А он стоял рядом и сердился, и впервые я заметила, каким уставшим было его лицо.

— Прости, — сказала я. — Ты не обязан отвечать за каждый столб.

— За те, которые проверил, обязан. Я пока не проверил этот как следует.

— Что тебе нужно?

— Разрешение на отдельные замеры в коридоре. И наши исходные показания. Твои, Иво, третьего участника. Без попытки подогнать их под одну историю.

— Они и так похожи.

— Да. Поэтому я хочу знать, в чем различаются.

Беренгарда щелкнула застежкой на моем ремне.

— На сегодня все. Фелица, держи за дальний конец.

Мы сложили рамы вдвоем. Вальтер убрал бумаги, я продела временную завязку и подняла крылья на плечо. Чехол остался на скамье за моей спиной. Я думала о том, как завтра сообщить школе о переносе. Крылья привычно легли на плечо, а об оставшемся чехле я так и не вспомнила.

У калитки меня остановил Дитрих Швальд.

Он преподавал в старой частной школе и на общих собраниях неизменно садился в первый ряд. Его ученики держались уверенно; сам он говорил тихо, почти никогда не повторяя просьб.

— Фелица. Уделите мне несколько минут.

Швальд не стал спрашивать, цела ли я. После длинного дня мне это понравилось.

— Если без соболезнований моему маневру.

— Я видел вывешенный результат. Безобразная поспешность.

— Тут мы с вами согласны.

— На этом не стоит останавливаться.

Он пошел рядом, подстроившись под мои короткие шаги. С крыльями было неудобно спускаться по узкой дорожке, и я держалась ближе к ограде. За ней рабочие закрывали галерею. Ткань под крышей то вздувалась, то опадала; вечерний воздух постепенно слабел.

— Я предупреждал, к чему приведет единая мера для всех, — продолжил Швальд. — Наставник годами видит человека. Здесь его заменили линией на песке и короткой записью. У вас восемь лет преподавания?

— Восемь.

— Сотни удачных занятий. И один чужой стол решает, что ваши руки больше ничего не стоят.

Он произнес это так точно, что я остановилась. Крылья качнулись на плече.

— До конца месяца допуск действует.

— Какая щедрость.

— Это все же разница.

— Разумеется. Простите. Я сердит за вас.

Швальд предложил собрать открытые заявления инструкторов и потребовать пересмотра самой процедуры. В городском совете уже лежало его возражение против замены прежнего порядка. Он говорил о людях, которые умеют учить, и людях, которые умеют ставить печать; в его речи все расходилось по правильным сторонам с такой легкостью, какой у меня сегодня не было даже в воздухе.

— Вы могли бы выступить первой, — сказал он. — Спокойно, от собственного имени. Вас знают. Ваш случай трудно списать на недостаток опыта.

— Я еще не знаю, что случилось.

— Вы знаете достаточно. Воздух пришел справа, от галереи, и отнес вас влево, к северной мачте, на последнем снижении. Разве не так?

— Так.

Швальд сделал короткий жест ладонью, будто проводил раму над невидимым песком.

— Все три попытки. А теперь виноватым сделали каждого отдельно.

Подробности еще не висели на стенде. Но Швальд был летуном, мог понять по движению крыльев больше случайного зрителя. Меня гораздо сильнее занимала возможность наконец сказать что-нибудь за пределами служебного домика.

— Я подам замечание к записи, — сказала я. — Сначала это.

— Одного замечания мало.

— Для отмены всех общих испытаний мне пока тоже мало оснований.

Он посмотрел на мои крылья.

— Вам не нужно снова доказывать то, что вы уже доказали жизнью.

Мне ужасно хотелось согласиться. Потом я вспомнила ученика, который прошлой весной уверял меня, что двадцать лет прожил на холме и потому отлично знает, как с него взлететь.

— Иногда нужно, — ответила я. — Только условия должны быть понятными.

Швальд чуть склонил голову.

— Подумайте. Я не тороплю вас с подписью.

Он уступил мне дорогу. Я спустилась к городской улице и только там обнаружила, насколько напряженно держала крылья. Пришлось остановиться у стены, переложить их на другое плечо и постоять, пока пальцы перестали цепляться за завязку.

Из-за поворота показался Вальтер. Он уже застегнул рукава; светлая нитка исчезла, как будто у него все-таки нашлось время привести в порядок одну маленькую неприятность.

— Ты идешь к рынку? — спросил он.

— Через мостовую у переплетчиков. Я там живу.

— Мне в ту же сторону, до гостиницы.

Мы пошли рядом. Он не предложил забрать крылья, и я сама спустила несколько шагов сказала:

— Возьми дальний конец. Здесь узко.

Вдвоем нести оказалось смешно: приходилось попадать в шаг и огибать прохожих общим длинным боком. У лавки я чуть не задела корзину, Вальтер отступил, и рамы повернулись между нами, как упрямая дверь.

— В воздухе проще, — заметил он.

— Ты летаешь?

— Достаточно, чтобы не считать эту фразу совсем голословной.

— Тогда завтра расскажешь.

— О полетах?

— О чем-нибудь, кроме моего результата.

Он посмотрел на меня через сложенные крылья.

— Хорошо.

У моей лестницы мы расстались. Я отнесла рамы наверх, прислонила их к знакомой стене и вынула из сумки пояснение для школы. На чистом обороте оставалось много места. Я села к окну, нашла перо и начала письменное замечание Агнессе.

Первую фразу пришлось зачеркнуть. Вторую тоже. В третьей я наконец написала то, что могла утверждать сама: когда справа пришел незнакомый поток, я прекратила посадочный маневр.

Слово «прекратила» я оставила без исправлений.

Глава 3. Исправные крылья

Утром я принесла на площадку крылья и две одинаковые копии своего замечания. Одну отдала Агнессе, на второй попросила поставить дату приема. Пока она искала печать, я следила за ее руками с таким вниманием, будто от ровности оттиска зависел сегодняшний воздух.

— Я прочла ваше пояснение школе, — сказала я. — Спасибо, что выдали сразу.

Агнесса подняла голову.

— Там нет ничего, чего я вчера не сказала.

— Теперь это можно показать людям, которые вчера не стояли в вашей комнате.

Она хотела что-то ответить, но только подвинула мне лист. Печать получилась чуть бледнее с одного края. Я дала ей высохнуть, не пытаюсь исправить.

В мастерской уже ждали остальные двое. Седой инструктор сидел на подоконнике, держа между коленями шлем. Иво ходил от двери до противоположной стены. На третьем проходе Беренгарда попросила его выбрать какую-нибудь одну половицу и остаться на ней.

— Я мешаю?

— Мне нет. Но ты уже дважды задел светлое крыло рукавом.

Он посмотрел на рамы и остановился.

Независимый мастер из другой городской мастерской сначала попросил каждого показать обычное положение ремней. Беренгарда стояла в стороне. Когда он надолго задержался над кромкой моих крыльев, она подалась вперед, но промолчала.

Мне предложили раскрыть рамы. Я зацепила упор, развела их до рабочего положения и поймала себя на том, что прислушиваюсь к каждому привычному щелчку.

— Здесь что-нибудь изменилось после вчерашнего? — спросил мастер.

— Ничего.

— Подтягивали?

— Нет.

Он кивнул и попросил наклонить правую сторону. Потом левую. Я держала крылья, пока он проверял крепления, и чувствовала себя нелепо: будто нам обоим давно известен ответ, но именно этого ответа я не хотела.

Иво первым не выдержал:

— Если там все цело, так и скажите.

— Скажу, когда закончу.

— Вы уже два часа заканчиваете.

— Сорок минут, — отозвалась Беренгарда.

Седой инструктор тихо засмеялся. Иво отвернулся к двери. На его затылке торчала прядь, которую пригладили мокрой ладонью и забыли. Сегодня я впервые разглядела в нем ту же бессонную усталость, которую утром видела в зеркале.

Вальтер пришел к окончанию осмотра. Он поздоровался со всеми, отдельно спросил у меня, успела ли я подать замечание. Я показала сложенный лист.

— Успела. Пока без особого удовольствия.

Он улыбнулся, и напряжение немного отпустило.

Второй мастер закончил запись и прочел ее вслух. Все три комплекта были исправны. Различия в ширине рам, натяжении по обычной настройке и посадке ремней соответствовали владельцам. Ни на одном комплекте он не нашел причины для одинакового бокового сноса.

— Это не означает, что в воздухе вы все делали одно и то же, — добавил он. — По крыльям можно ответить только за крылья.

— За них и ответьте, — сказала Беренгарда.

Он взглянул на нее, потом спокойно поставил подпись. Она подписала свой лист рядом, отдельно, и отдала оба Агнессе, которая как раз вошла с улицы.

Иво взял ремень своих крыльев.

— Значит, теперь можно повторить?

— На северной площадке попыток пока не будет, — ответила Агнесса. — Ферст подал предложение об отдельном обследовании посадочной полосы.

— Когда?

— Завтра, если успеем оформить доступ и собрать исходные листы.

— А сегодня мы что делаем?

— Каждый свою работу, которую может делать.

Иво дернул ремень так, что пряжка стукнула по раме. Я почувствовала почти благодарность за то, что он сказал вслух вопрос, которого я сама боялась: чем занять день, если вчерашняя неудача уже заняла его целиком?

Вальтер попросил нас задержаться еще на несколько минут. Он разложил листы с очертанием площадки и предложил каждому отдельно отметить начало сноса. Седой инструктор первым взял карандаш. Я ждала у открытой двери, глядя на полосу солнца на полу, и не пыталась подсмотреть. Мне хотелось, чтобы наши отметки совпали. Это желание мешало больше, чем я ожидала.

Когда подошла моя очередь, я поставила черточку чуть до линии между мачтами.

— Здесь?

— Я уже снижалась. Точнее с земли не скажу. Справа была середина галереи, северная мачта чуть впереди.

— Можешь показать завтра с края полосы?

— Могу.

Он спросил, бывала ли я на этой трассе до испытания. Я ответила, что знала ее с общих показов, но в этот раз прошла только утром к стойке и на старт.

Иво, до того собиравший вещи, вмешался:

— Предварительных тренировок не было. Нам же не дали их проводить.

— Я спрашиваю, кто насколько знаком с местом, — сказал Вальтер. — Это относится и к прежним сезонам.

— Я здесь по вечерам не бывал.

Наступила короткая пауза. О вечерах никто не спрашивал.

— Хорошо, — ответил Вальтер. — А раньше ты летал через этот коридор?

— До того как поставили нынешнюю галерею. Один раз. Или два. К делу это не относится.

— Пусть пока останется в записи.

— Тогда запишите: перед испытанием я сюда не приходил. Ни вечером, ни ночью. Мне не нужно было тайком учиться садиться.

Он поднял крылья и вышел, задев плечом косяк. Седой инструктор проводил его взглядом, пожал плечами и попросил выдать ему копию осмотра.

Я наклонилась над своим листом, хотя черточка уже стояла на месте.

— У него тяжелый характер, — сказала я тихо.

— Я заметил.

— Вчера всем было тяжело.

Вальтер кивнул и не стал продолжать. Мне это понравилось больше, чем если бы он немедленно разделил мои подозрения. Подозрения были пока такими мелкими и недобрыми, что я не хотела называть их вслух.

На южном склоне меня попросили подержать дверь. Кто-то опять оставил питьевую воду на солнце, в кладовой скрипела та же дверца. Я ждала неловкого молчания, но школа была занята своими делами.

Распорядитель занятий прочел пояснение Агнессы и повернул ко мне расписание.

— Начатые занятия остаются. С новым курсом подождем несколько дней, но потом людям надо будет дать ответ.

— Я понимаю.

— Фелица, я не сомневаюсь, что ты умеешь летать.

Именно после этой фразы стало трудно смотреть на него.

— Тогда не говорите это таким голосом.

— Каким?

— Будто я принесла вам что-то разбитое.

Он помолчал, потом указал на ближайший день в расписании.

— Хорошо. Один из учеников просил уйти на полчаса раньше. Сумеешь переставить упражнения?

Я сумела. Через несколько минут вышла из комнаты все еще сердитой, но с конкретным делом в руках.

До полудня я помогала закончить занятие взрослой группе. Летать сама не собиралась: требовалось пройти вдоль старта, поправить положение ладоней у одного ученика, объяснить другой, почему она держит плечи так, словно готовится не подняться, а протиснуться в низкую дверь. Женщина рассмеялась, расправилась и наконец почувствовала нужный наклон.

— Так лучше?

— Намного. Теперь повторите еще раз без меня.

Она повторила. Я отошла на несколько шагов, и какое-то время никто не смотрел на меня в ожидании решения. Все были заняты воздухом, травой и своими руками. От этого стало легче.

Потом над склоном прошел очередной летун. Я подняла голову и вместо радости почувствовала зависть, такую прямую и детскую, что даже отвернулась.

Дома я оставила крылья у стены и попыталась починить карман на легком платье. Игла трижды прошла мимо намеченного места. Я распустила стежки, положила платье на колени и сидела так, пока снизу, из переплетной мастерской, не донесся стук в дверь.

— Фелица, к тебе с длинной вещью!

Длинной вещью оказался чехол с красной завязкой. Вальтер держал его сложенным вдвое и при этом все равно задевал край лестничного поручня.

— Беренгарда нашла за скамьей, — сказал он. — Я подумал, что после вчерашней прогулки имею некоторое право вернуть эту часть багажа.

— Заходи. Только у меня везде нитки.

— У меня вчера тоже были.

Я посмотрела на его манжету.

— Ты отрезал?

— Иначе она прожила бы со мной до конца месяца.

Он поднялся в комнату, поставил чехол у крыльев и огляделся без той жадной внимательности, с которой иногда изучают чужое жилье. Я отодвинула платье, освободила стул и открыла окно шире. Внизу на улице двое детей тащили пустую корзину, каждый в свою сторону. Спор шел важный и, судя по всему, безнадежный.

— Воды? — спросила я.

— Да, спасибо.

Пока я наливала, он поднял с пола катушку и положил на стол.

— Как на южной площадке? — спросил он.

— Занятия идут. Люди учатся. Птицы ведут себя вызывающе.

— Это бывает.

Я протянула ему стакан и села напротив.

— Ты обещал рассказать о полетах.

— Я надеялся, ты забудешь.

— С чего бы?

— Потому что там нет ничего героического.

— Тем лучше.

Он помолчал, выбирая, и стал рассказывать, как несколько лет назад, в незнакомой долине, решил сесть на красивую ровную поляну. Сверху она выглядела безукоризненно. Снизу выяснилось, что высокая трава скрывает кочки, а за ближайшим кустом пасутся гуси, которых его появление совершенно не обрадовало.

— Ты не осмотрел место заранее?

— Осмотрел с дороги. Решил, что этого достаточно.

— Инженер.

— Уже тогда. Это делает историю гораздо хуже.

Я засмеялась. Он показал ладонями, как пытался удержать рамы, пока под ногами менялась высота земли, и как после посадки стоял в траве, не зная, куда поставить следующий шаг, потому что гусь выбрал именно его ботинок.

— И что ты сделал?

— Подождал.

— Долго?

— Достаточно, чтобы хозяин пришел узнать, почему птицы так сердятся. Он считал их миролюбивыми.

— Такие хозяева есть у всего на свете.

Вальтер засмеялся и сделал глоток. Я смотрела на его горло, на расслабленную руку со стаканом и внезапно ясно поняла, что интересуюсь историей не только ради истории.

— Ты потом еще туда летал?

— На ту поляну нет. На другую, осмотренную пешком, летал на следующий день.

— Сразу?

— После обеда. С утра я очень занимался делами и всем объяснял, что занят. В какой-то момент самому надоело слушать.

Я провела пальцем по краю платья.

— Мне сегодня было стыдно смотреть, как другие поднимаются со склона.

Он не ответил. За окном корзина наконец досталась одному ребенку. Второй торжественно объявил, что больше никогда не будет с ним разговаривать, и пошел следом.

— Не потому, что я боюсь, — добавила я слишком быстро.

— Я не спрашивал почему.

— Но подумал.

— Я подумал, что ты, наверное, хотела быть среди них.

Я подняла глаза. Он сидел чуть наклонившись вперед, локти на коленях, стакан между ладонями. Он ждал ответа, не отводя глаз.

— Хотела. И одновременно хотела, чтобы все увидели, как я опять могу. Это хуже.

— Мне тоже хотелось, чтобы тот человек увидел другую мою посадку.

— Тебе мешали гуси.

— А тебе что-то мешало у мачт. Мы пока не знаем что.

Я покачала головой.

— Если ты сейчас скажешь, что мне нечего стыдиться, я все равно не перестану.

— Тогда не скажу.

— Это твой лучший ответ за два дня.

Он приоткрыл рот, собираясь возразить, потом улыбнулся и промолчал.

Мы поговорили еще о городе. Я объяснила, почему по утрам у его гостиницы всегда споят из-за ящиков, где короче пройти к северной дороге и какую пекарню на рынке стоит искать по запаху, потому что вывеска у нее вечно закрыта навесом. Он рассказал, что любит приезжать в незнакомые места раньше начала работы, хотя обычно выходит наоборот. В Астервике он пока видел больше приемных, чем улиц.

— Исправим, — сказала я и тут же удивилась собственному множественному числу.

Вальтер услышал его тоже. Это было видно по тому, как он поставил пустой стакан, чуть медленнее необходимого.

Когда он встал, я потянулась забрать стакан одновременно с ним. Наши пальцы столкнулись. Можно было отдернуть руку и пошутить про вчерашнюю пряжку, но я не захотела. Оставила пальцы на его запястье еще на мгновение.

— Спасибо за чехол.

— Пожалуйста.

— И за гусей.

— Особенно за них.

У двери мы замолчали. Мне нравилось, как он смотрел на меня сейчас, без вопроса о высоте, крыльях или вчерашнем песке. Он стоял достаточно близко, чтобы я могла снова коснуться его руки. Я не коснулась. Зато впервые за два дня захотела, чтобы следующий день начался скорее, и причина этого желания не имела отношения к комиссии.

Глава 4. Ветер ниже флюгера

К северной площадке я пришла раньше назначенного времени и обнаружила Гедвигу, которая спорила с калиткой. Нижняя доска разбухла после ночной сырости и цеплялась за землю. Подруга тянула ее на себя, а калитка, вероятно, считала, что учебный день еще не начался.

— Подними, — сказала я.

— Я уже поднимала.

— Вместе со мной.

Мы взялись за верхнюю перекладину, приподняли и протащили доску над камнем. Гедвига отряхнула руки.

— Я пришла свидетельствовать, а не чинить ограду.

— Тогда показания будут особенно убедительными. Ты понесла ради них лишения.

Она посмотрела на меня.

— Ты сегодня лучше.

— Я сегодня раньше.

— Тоже достижение.

У нее в ушах качались большие оранжевые кольца.

— Как прошла твоя встреча? — спросила я.

Она сразу улыбнулась.

— Хорошо.

— Просто хорошо?

— Очень хорошо. И вот это я в протокол не дам.

Мы пошли к служебному домику. Без крыльев склон казался ниже; у его подножия росли мелкие белые цветы, которых я не замечала во время разбега.

Вальтер стоял у открытого окна, сверяя два листа. На стуле у стены лежали свернутые ленты, деревянная мерная рейка и простые шесты. Ничего таинственного и обнадеживающе сложного. Я почему-то ждала, что обследование будет выглядеть внушительнее.

Он поднял голову и улыбнулся мне. Вчерашняя пауза у двери немедленно вернулась, хотя между нами были стол, Гедвига и целая куча хозяйственных палок.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответила я.

Гедвига посмотрела с него на меня, сняла сумку и села так решительно, что стул скрипнул.

— У меня сорок минут. Потом занятия.

Вальтер отложил листы и предложил ей рассказать о своей попытке. Гедвига говорила коротко, без украшений: порядок старта, отсутствие заметного сноса, посадка внутри линии. Он спросил, насколько точно она помнит время.

— До десяти. Когда закончила, на башне было без четверти.

— Вы посмотрели сразу после посадки?

— Когда сняла шлем. Мне нужно было понять, успею ли я вернуться к своим ученикам без спешки.

— Я тоже видела часы, — сказала я.

Он записал оба ответа отдельно. Потом Гедвига показала на плане свою линию снижения. Ее карандаш прошел ровно между мачтами, и я невольно подвинулась ближе.

— Ты держалась выше меня?

— На подходе, может быть. Потом нет.

— А у края галереи?

— Фелица, я не мерила высоту по каждой скамье.

— Я просто пытаюсь понять.

— Я знаю.

Гедвига положила карандаш, но я уже спросила, не входила ли она чуть севернее. Она откинулась на спинку стула и некоторое время смотрела на меня молча.

— Послушай. Я прошла раньше. Тогда был другой воздух. Это все, что я знаю наверняка.

— Я не говорю, что ты прошла случайно.

— А я не говорю, что ты хуже умеешь. Но ты спрашиваешь так, будто я где-то припрятала секрет, который ты упустила.

Мне стало жарко. Вальтер занялся листами, оставив нам возможность не замечать его присутствия.

— Я спрашиваю себя уже третий день, — сказала я тише. — Тебе досталась только последняя часть.

Лицо Гедвиги смягчилось. Она потянулась и коротко сжала мое предплечье.

— Я понимаю. Но у меня с тех пор были занятия, встреча, обычные дела. Я не могу все время убеждать тебя, что знаю хорошую летунью.

— Знаешь?

Она закатила глаза. Я рассмеялась, еще чувствуя неприятный жар в щеках.

— Все, молчу. Спасибо, что пришла.

— Вот это уже разумно.

Они сверили записи очередности. Спокойный проход Гедвиги закончился до поворота ветра, после которого начались три неудачи. Вальтер провел черту между двумя группами записей, и я долго смотрела на нее.

Агнесса выдала письменное разрешение на измерения в посадочном коридоре. Рядом с подписью она указала, что площадка закрыта для попыток, доступ к вещам идет через распорядителя, все наблюдения записываются с указанием времени.

— Осматривать покрытие и стоящие конструкции можно, — сказала она. — Разбирать крепления без отдельного согласования нельзя. За них отвечает Беренгарда.

— Пока нам требуется воздух, — ответил Вальтер.

— Надеюсь, он будет сговорчивее вас.

У нее впервые за эти дни почти получилось улыбнуться. Я не знала, хотела ли улыбнуться в ответ. Подписала лист участия и вернула ей перо.

Гедвига ушла. Мы с Вальтером вынесли ленты к полосе. Он попросил меня показать место, где я впервые почувствовала толчок. Я встала у края песка и долго смотрела на мачты.

С земли все расходилось. Галерея была слишком большой, склон слишком низким, а расстояние, на котором за долю мгновения пришлось принять решение, теперь можно было спокойно пройти за несколько шагов. Я пошла вдоль северной стороны коридора, остановилась, вернулась назад.

— Примерно напротив этого места. Но я была выше.

— Насколько?

Я подняла руку, словно могла дотянуться до собственного полета в день испытания.

— Перед тем как меня понесло, еще можно было исправлять снижение. После уже пришлось выбирать, куда ставить ноги. Я не назову тебе точную меру.

— Не нужно придумывать точную.

Он отметил на плане полосу, а не точку. Мы сравнили ее с отдельными листами двух других участников. Они не совпали в мелочах: Иво удерживал высоту дольше, седой инструктор раньше отвел рамы. Но узкий участок, который нас интересовал, оставался одним и тем же.

Мы закрепили легкие ленты на шестах. Одну низко, другую на уровне плеча, третью выше поднятой руки. Высокий прибор оставался на своей мачте, и Вальтер попросил помощ-

ника записывать его показания одновременно с нашими. Я держала шест, пока он подтягивал обычный узел. Его пальцы двигались быстро, без суеты; после третьего раза я поняла, что опять наблюдаю больше за руками, чем за работой.

Ветер шел с юго-запада. По открытой части площадки он был ровным, но слабым; иногда верхняя лента вытягивалась, а нижняя продолжала висеть, прижавшись к шесту. За моей ногой она вовсе сворачивалась на себя. Я сделала шаг в сторону, и ленточка ожила.

На месте прежнего сноса я ждала, что ленты вдруг дернутся к северу, обозначат невидимую границу и все станет очевидно. Они трепетали, поворачивались вслед за общим ветром, опадали. Верхняя иногда шевелилась раньше нижней. Ничего похожего на тот короткий удар справа не происходило.

Вальтер сверился с мачтой, сделал запись и попросил перенести шест на несколько шагов. Мы повторили. Потом еще раз.

К полудню песок нагрелся так, что ступни чувствовали тепло через подошвы. Я уже различала по звуку шагов, когда Агнесса выходила на крыльцо, и это раздражало почти так же, как спокойные ленты.

— Если бы я сейчас прошла здесь, ничего бы не случилось, — сказала я.

— Может быть.

— Это тоже ничего не даст.

— Да.

Я вдавила конец шеста глубже в песок.

— Тогда мы потратили утро.

Вальтер выпрямился слишком резко.

— Мы отделили то, что происходит сейчас, от того, что происходило в день испытания.

— Красиво звучит.

— Фелица, я не могу заказать нужный ветер.

— Я знаю!

Голос вышел громче, чем я собиралась. Помощник у мачты обернулся, потом поспешно посмотрел в журнал. Я отступила от шеста и прошла несколько шагов вдоль полосы. Руки хотелось куда-нибудь деть. Я сцепила их за спиной, как делала на занятиях, когда ученик медлил и я начинала помогать ему слишком много.

Вальтер не пошел за мной сразу. Дал закончить этот маленький сердитый путь, потом подошел сбоку.

— Мне тоже хотелось получить ответ сегодня, — сказал он.

— Ты выглядишь так, будто все идет по плану.

— Это из-за папки. Она придает уверенности даже пустым людям.

Я посмотрела на него. Он не улыбался. Потом уголок рта все-таки дрогнул, и я выдохнула.

— Папка ни при чем, — сказала я, уже улыбаясь.

Мы постояли молча. Высокий флажок повернулся вместе с новым порывом, ленты ответили ему почти одновременно. Вальтер показал на них.

— Мы видим, что нижний воздух может отличаться от верхнего даже на нескольких шагах. Но того, что ты описала, сегодня пока нет. В день испытания после десяти поток приходил с востока. Сейчас он приходит иначе. Нужно дождаться похожих исходных условий и посмотреть снова.

— А если долго не придет?

— Тогда будем делать то, что можно без него. Сверять записи, осматривать путь воздуха, проверять, что менялось перед испытаниями. Только ни один такой шаг не заменит наблюдения при нужном ветре.

Я кивнула. Теперь было чем занять завтрашний день, кроме бесконечного спора с одним и тем же воспоминанием.

Мы обошли площадку с северной стороны. С открытого луга коридор выглядел простым и свободным. У южной галереи ткань чуть приподнималась по краю, потом успокаивалась. Я показала Вальтеру бахромку, движение которой заметила перед посадкой. Он сверил место с моей первой записью, но не стал ничего объявлять.

— Такие полотнища действительно отводят воздух? — спросила я.

— Направляют проходящий поток. Беренгарда покажет устройство, когда дойдем до него. Сейчас важно понять, где он был.

— Я всю жизнь с крыльями, а на это смотрела как на крышу.

— Тебе под ней сидеть. Мне тоже сначала хочется сесть в тени, а уже потом смотреть, куда уходит воздух.

Во второй половине дня мы убрали шесты и передали записи Агнессе. Она просмотрела их, остановилась на нескольких строках и спросила:

— Итак, опасного сноса сегодня не обнаружили?

Я напряглась, но Вальтер уже ответил:

— При сегодняшнем направлении ветра не воспроизвели. В заключении будет именно это.

Агнесса посмотрела на него, потом на меня.

— Я понимаю разницу.

Очень хотелось сказать: «Теперь понимаете». Я прикусила внутреннюю сторону щеки и промолчала: на еще один разговор в служебном домике у меня уже не было сил.

Мы вышли к калитке. Вальтер нес связку шестов, я ленты и рейку. На узком проходе пришлось снова приподнять доску. Он по привычке потянул ее на себя, и мы с калиткой одновременно отказались двигаться.

— Подними, — сказала я.

— Я поднимаю.

— Вместе со мной.

У меня вырвался смех. Вальтер посмотрел с удивлением, и я рассказала ему про утро. Мы освободили калитку, отнесли вещи под наружный навес и наконец оказались на дороге с пустыми руками.

Над долиной летели двое. Далекие крылья поворачивались медленно, ловили солнце, снова темнели. Я остановилась, проводила их взглядом и на этот раз не почувствовала той злой зависти, что вчера на южном склоне.

— Завтра у тебя весь день занят? — спросила я.

— До обеда. Потом нужно свести записи. Почему?

Я могла придумать хороший деловой повод. Еще один взгляд на исправность моих крыльев в других условиях, сравнение воздуха, полезное знакомство с южной площадкой. Все это уже готово было выйти изо рта, и от этого стало досадно.

— Я хочу полетать. После занятий, на южном склоне. Там есть короткий маршрут над лугом с обычной посадкой. Пойдем со мной?

Он посмотрел на небо, потом на меня.

— Как летун?

— Как Вальтер. Крылья свои принесешь?

— Принесу.

— Я заканчиваю к трем. Проверим погоду и решим на месте. Если воздух не подойдет, просто поедем что-нибудь.

— Значит, еда возможна в любом случае?

— Почти неизбежна.

Он улыбнулся так открыто, что я невольно улыбнулась в ответ.

— Тогда я буду к трем.

У гостиницы мы попрощались. На этот раз он коснулся моей руки сам, коротко, чуть выше пальцев.

Я продолжила путь, не оглядываясь до самого угла. Потом все-таки оглянулась. Он еще стоял у входа, и мы оба почему-то рассмеялись, хотя из-за уличного шума уже не могли услышать друг друга.

Глава 5. Две тени над лугом

К трем часам я успела закончить занятие, вернуть чужой ремень в кладовую и дважды проверить, взяла ли хлеб. Хлеб там лежал. Рядом были сыр, маленький нож и бумажный пакет с абрикосами, который угрожал лопнуть каждый раз, когда я его трогала.

Вальтер пришел вовремя, со своими крыльями на плече. Чехол у него был потертый у нижнего края и аккуратно зашит толстой нитью. Я посмотрела на шов и поняла, что удивилась: до сих пор его личные полеты существовали для меня главным образом в истории про гусей.

— Ты ожидала увидеть папку? — спросил он.

— Немного. Хотела проверить, умеешь ли ты с ней расставаться.

— Она осталась в гостинице. Мы оба перенесем разлуку.

На площадке заканчивала собираться последняя группа. Мои ученики поздоровались с Вальтером, не зная, кто он, и это тоже было приятно. Для них он оказался просто мужчиной, который пришел полетать вместе со мной.

Я показала ему знакомый мне маршрут: пологий старт, широкий луг ниже по долине, отмеченная полоса у тропы. Возвращаться предстояло пешком.

— Я обычно сажусь у дальней отметки, — сказала я. — Там суше трава. Но весь этот участок свободен.

Он прошел к краю склона, посмотрел вниз, потом поднял лицо к ветру. Я осталась рядом, не торопя. Вальтер осматривал маршрут без важности, с понятным вниманием человека, которому самому придется по нему пройти.

— Подойдет, — сказал он. — Только я не стану держаться вплотную за тобой. Мне нравится видеть впереди больше земли.

— Мне тоже не нужны чужие крылья у пяток.

— Прекрасно. Первое разногласие не состоялось.

Я улыбнулась и потянула за завязку своего чехла.

Мы раскрыли рамы. Я проверила крепления и натяжение. Пальцы помнили все без усилия; тревога появилась, когда привычный вес лег на плечи.

На миг перед глазами возникла северная мачта.

Я остановилась, поставила рамы на опоры и еще раз посмотрела на луг. Здесь не было того тесного участка перед посадкой, южной галереи и чужого стола с готовой строкой. Место я знала по сотням обычных дней. Воздух шел ровно, трава показывала его движение далеко вниз по склону.

Вальтер уже застегнул свой ремень. Он увидел, что я задержалась, но не стал спрашивать при всех, все ли со мной хорошо. Просто подождал у своей стартовой отметки.

— Я пойду первой, — сказала я.

— Хорошо. Встретимся внизу.

Я поправила плечевой ремень. Сердце билось чуть быстрее привычного, и какое-то время я только слушала его, пока этот стук не перестал казаться предупреждением.

Первый шаг дался обычно. Второй тоже. На четвертом ветер принял лен, и знакомое натяжение прошло от кистей к плечам. Я прибавила движение, почувствовала, как ноги становятся легче, и отпустила землю.

Склон ушел вниз.

Я успела увидеть собственную тень на траве, вытянутую и нелепо широкую. Потом она скользнула по светлому пятну цветов, и следить за ней стало некогда. Воздух был живым: чуть мягче справа, плотнее над открытым местом, с обычными мелкими переменами, на которые руки отвечали прежде, чем я успевала назвать их словами.

Первые мгновения я еще ждала подвоха. Потом увидела долину целиком.

Далеко за лугом блестели крыши Астервика. Дорога к рынку изгибалась между домами, и сверху было смешно думать, сколько усилий мы тратим внизу, чтобы обойти обычную телегу. Я плавно отвела рамы, выбирая более широкий поворот. Никакой нужды в нем не было. Просто мне хотелось еще несколько секунд смотреть на дальний склон и чувствовать, как под ладонями меняется опора.

Слева и выше показался Вальтер.

Он не пытался догнать меня. Шел своей спокойной линией, оставляя достаточно пространства, и все же я ясно ощутила его присутствие. Оно было совсем другим, чем присутствие ученика, которого приходилось держать краем внимания. Я знала, что он сам выберет наклон, сам оценит расстояние до земли. Можно было просто радоваться тому, что он здесь.

Он повернул голову. Даже издали я увидела улыбку, потому что он улыбался всем лицом, без привычной сдержанности разговора.

Я подняла два пальца, обозначая, что вижу его. Он ответил тем же движением и снова посмотрел вперед.

Наши тени прошли по лугу одна за другой. Моя вытянулась через темную полосу травы, его догнала ее у низкого куста и тут же отстала, когда он изменил угол. Они были смешные, плоские, совсем не похожие на тех двоих, которые три дня выясняли, что случилось на песчаной полосе.

У посадочного участка я начала снижаться. Воздух оставался ровным. Я дала рамам потерять лишний подъем, приготовила ноги и коснулась травы, продолжая движение. Несколько быстрых шагов, привычное натяжение в плечах, остановка.

Вот и все.

Я стояла на лугу со своими исправными крыльями и улыбалась так широко, что щеки устали.

Вальтер сел дальше, в выбранном им свободном месте. При касании сделал два лишних шага, удержал рамы и повернулся ко мне. Я помахала ему, он кивнул и принялся освобождаться от ремней.

Когда он подошел, я все еще стояла рядом с раскрытыми крыльями.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— У тебя очень выразительное ничего.

Я засмеялась.

— Мне было хорошо.

Он посмотрел на луг, потом снова на меня.

— Мне тоже.

Мы помогли друг другу сложить рамы. Время от времени наши руки встречались на одном креплении.

Мы отнесли крылья к краю луга и устроились на траве возле тропы. Вальтер расстелил свой пустой чехол, я достала еду. Бумага вокруг абрикосов порвалась именно в тот момент, когда я объявила, что предусмотрела все. Один плод покатился вниз, и Вальтер поймал его почти у ботинка.

— За это мне положена доля?

— За это тебе положено уважение. Долю я уже приготовила.

Он положил спасенный абрикос рядом с хлебом и сел, вытянув ноги. Я сняла шлем, провела пальцами по волосам и наконец позволила себе откинуться на локти.

Несколько минут мы только ели. Плоды оказались спелыми, с тонкой кожицей, которая легко расходилась под большим пальцем. Сок стекал на ладонь. Я облизнула его, подняла глаза и увидела, что Вальтер смотрит на меня.

— Что такое?

— Ты совершенно другая после полета.

— Потная?

— И довольная.

— Первое обычно заметнее.

— Мне заметнее второе.

Я не нашла шутки, которая не испортила бы его слова. Поэтому просто улыбнулась и подала ему еще один плод.

Он рассказал, как начал летать уже взрослым, когда работа стала часто водить его по площадкам и ему надоело объяснять местным специалистам, что он умеет рассчитывать то, чего сам не чувствовал. Сначала это было полезным умением. Потом он обнаружил, что иногда выбирает дорогу длиннее только потому, что рядом есть хороший склон.

— Тебя перестали спрашивать, сам ли ты летаешь? — спросила я.

— Нет. Теперь спрашивают, почему я не делаю сложные заходы.

— И что ты отвечаешь?

— Что мне нравится попадать туда, куда я собирался.

Я рассмеялась.

— Достойная цель.

— А ты почему начала?

— Хотела быстрее всех оказаться внизу.

— Серьезно?

— Отчасти. Мне было двадцать два, я работала с бумажными заказами, каждый день ходила по одним улицам и очень уставала от того, что все вокруг знают, где я буду к обеду. Однажды увидела учебный спуск и записалась. Денег хватило ровно на начало.

— А потом?

— Потом я стала экономить на всем, кроме занятий. У меня было платье, которое я перешивала так долго, что оно могло бы потребовать собственную фамилию. Но со склона я наконец полетела.

Он слушал, не торопя вопросами. Я рассказала про чужие первые крылья, которые казались огромными, и собственные, купленные позже. Потом спросила, успевает ли он между поездками делать что-нибудь совершенно бесполезное.

— Успеваю, — ответил он. — Но иногда мне стыдно показывать результат.

— Теперь ты обязан когда-нибудь показать.

— Подумай, прежде чем требовать. Я могу согласиться.

Он уклонился от подробностей с таким веселым упрямством, что я не стала настаивать. Мне понравилось это небольшое место впереди, где у нас уже существовало «когда-нибудь».

Потом разговор незаметно стал тише. Я спросила, всегда ли он живет один в поездках, и только после вопроса услышала, как много в нем можно понять.

Вальтер посмотрел на меня прямо.

— Я развелся шесть лет назад. Детей нет. С тех пор дом в основном принадлежит мне и вещам, которые я забываю разобрать.

— Ты не обязан был отвечать так подробно.

— Я хотел.

Я опустила взгляд на половинку абрикоса в руке.

— У меня последние серьезные отношения закончились четыре года назад. Мы довольно долго пытались сделать вид, что хотим одного и того же.

— Полеты мешали?

— Нет. Это было бы проще рассказывать. Полеты ни при чем. Мы просто перестали ждать вечера вместе, а признать это сразу не захотели.

Он кивнул. Я покрутила в пальцах абрикосовую косточку, собираясь с мыслями.

— После такого привыкаешь не особенно торопиться, — сказала я.

— Да.

Мы посидели молча. Над травой гудело маленькое насекомое, настойчиво выбирая между нашей едой и пустой бумагой. Вальтер отодвинул хлеб, и оно наконец нашло нужную крошку.

— Сегодня я пришел быстро, — сказал он вдруг.

Я посмотрела на него.

— К трем?

— Еще без десяти стоял у поворота. Решил, что лучше немного пройтись, чем мешать тебе заканчивать занятие.

Тепло поднялось к лицу. Я отвела глаза к крыльям и улыбнулась уже им, потому что смотреть прямо на Вальтера оказалось сложнее, чем минуту назад рассказывать о разошедшейся жизни.

— А я дважды проверила хлеб, — призналась я.

— Значит, у каждого своя осторожность.

Он протянул руку за последним абрикосом. Я взяла его раньше, разломила пополам и вложила половинку ему в ладонь. Пальцы задержались. Вальтер не сжал их, просто повернул руку так, чтобы мне не пришлось сразу отступить.

По тропе прошли двое с корзинами. Мы поздоровались, и маленькая возможность поцелуя, которую я успела почувствовать всем телом, растворилась в обычном уличном «добрый день». Мне не стало жаль. Было приятно знать, что она вообще появилась.

Обратно мы пошли пешком, каждый со своими крыльями. Тропа поднималась плавно, но к дороге мы все же вышли запыхавшись.

Мы остановились перевести дух. Я смотрела на его лицо, на светлые полосы у висков, на то, как он щурится от солнца. Мне нравился этот мужчина в простой помятой рубашке, с крыльями и усталыми после подъема ногами. Нравился уже отдельно от того, что он мог выяснить для меня на северной площадке.

У городских ворот Вальтер спросил:

— Ты сегодня вечером свободна?

— Насколько вечером?

— Часов в восемь. На маленькой площадке у фруктового рынка играют музыканты. Я вчера проходил мимо.

— Ты предлагаешь мне еще одну прогулку после этого подъема?

— Предлагаю сначала посидеть. Потом посмотрим, что способны делать наши ноги.

Я переставила крылья на другое плечо.

— Я свободна.

— Тогда я зайду за тобой?

— Зайди. Только без крыльев.

— И без папки.

Мы договорились. До моей улицы оставалось совсем немного, когда из бокового прохода вышла Беренгарда. Она несла сверток плотной ткани и, увидев нас, остановилась.

— Хорошо, что встретила. Я была у северного сторожа, договаривалась об открытии мастерской. Он рассказал, что накануне испытания поздно вечером пускал Драста на тренировку.

Вальтер чуть выпрямился. Я почувствовала, как легкость прогулки отступает.

Мы с Вальтером переглянулись.

— Он назвал время? — спросил тот.

— Я не стала спрашивать у ворот. Сказала, что об этом нужно поговорить с распорядительницей. Завтра утром сторож будет на месте.

— Спасибо, — сказал Вальтер. — Это важно.

Беренгарда посмотрела на наши крылья.

— Вы хоть нормально полетали?

— Да, — ответила я. — Очень.

Она кивнула с видимым удовольствием и пошла дальше. Мы остались на углу. Я уже собралась предложить поискать Иво, когда Вальтер сказал:

— Я попрошу его прийти завтра. Вместе со сторожем разберемся, что произошло.

— Он сказал, что не был там.

— Да. Я помню.

Я смотрела на носок своего ботинка, на застрявшую в шве сухую травинку.

— Восемь часов остаются? — спросила я.

Вальтер повернулся ко мне всем корпусом.

— Если ты хочешь.

Я кивнула.

— Хочу. Мне нужно успеть переодеться и перестать носить с собой половину луга.

Он улыбнулся, и знакомое теплое чувство вернулось, хотя новость никуда не исчезла. Мы расстались у моей лестницы. Я поднялась наверх, поставила крылья к стене и достала то самое легкое платье, у которого накануне все-таки закончила карман.

Хлеба в сумке не осталось. Это почему-то показалось хорошим началом вечера.

Глава 6. Когда можно остаться

Вальтер пришел без папки и без крыльев. Я увидела его из окна: он стоял у двери переплетной мастерской с небольшой бумажной коробкой в руке, то поглядывая на окна, то поворачиваясь к лестнице.

— Поднимайся, — сказала я сверху. — Я почти готова.

Он поднял голову.

— Это сколько?

— Зависит от того, найдется ли вторая серьга.

— Тогда я иду медленно.

Серьга нашлась под катушкой. Когда Вальтер постучал, я уже застегивала ее. Карман на платье был пришит криво, но об этом знала только я.

Он посмотрел на меня и на мгновение перестал держать коробку ровно.

— У тебя сейчас все выплется, — предупредила я.

— Да. Верно.

Он поправил крышку.

— Ты очень красивая.

Я почувствовала, что улыбаюсь раньше, чем успеваю подобрать ответ.

— Спасибо. А что в коробке?

— Пирог. Мне объяснили, что человек, который зовет тебя гулять, должен учитывать абрикосы.

— Ты запомнил пекарню?

— Ты очень подробно описала.

Он поставил коробку на стол. Кусок был большой, с румяной кромкой и открытой серединой. Я решила, что пирог подождет до возвращения, хотя решение далось трудно.

У рыночных рядов закрывали навесы, торговцы собирали корзины. Вальтер шел рядом, и я все время замечала, что нам больше нечего нести вместе. Руки оставались свободными и от этого казались необыкновенно заметными.

У поворота я сама взяла его под руку.

Он слегка повернул голову и осторожно согнул локоть. Я устроила ладонь удобнее.

На маленькой открытой площадке уже играли. Музыканты разместились под низким навесом, перед ними стояли несколько скамеек. Дальше люди танцевали прямо на ровных плитах. Две женщины смеялись, сбившись с шага; пожилая пара двигалась так слаженно, что вокруг них оставляли больше места, чем требовалось.

— Ты умеешь? — спросил Вальтер.

— Смотря что.

— Танцевать, не заставляя другого человека считать вслух.

— Умею заставлять его считать про себя.

— Достаточно.

Он протянул мне руку. Я вложила свою и встала ближе. Первые несколько шагов мы выясняли, куда собирается каждый из нас, и выяснили это не сразу. Я начала поворот раньше, Вальтер придержал меня у локтя, мы оба остановились и рассмеялись.

Следующий круг получился лучше. Его ладонь лежала у меня на спине, теплая даже через ткань платья. Я смотрела сначала на плечо, потом на лицо, потом поняла, что могу смотреть куда угодно: он не следил, правильно ли я поставила ногу. Когда я сбилась, он просто сбился вместе со мной, и мы вернулись в шаг без обсуждения.

К концу мелодии щеки горели. Мы выпили воды у прилавка, и я потянула Вальтера еще немного пройти вдоль рынка.

Мы успели дойти до закрытого ряда, когда на камень перед нами упала первая крупная капля. Я посмотрела вверх. Между крышами быстро темнело.

— Это надолго? — спросила я.

— Как инженер площадок я могу уверенно сказать, что у меня нет крыши.

Дождь сразу зашумел по навесам.

Мы побежали к ближайшему укрытию. Вальтер оказался быстрее на полшага, придержал край опущенной ткани, я проскользнула под нее и обернулась помочь ему. Именно тогда в складке над моей рукой накопилась вода. Ткань качнулась, и почти все содержимое вылилось Вальтеру на ботинки.

Он замер.

— Я хотела как лучше.

— Для тротуара ты сделала многое.

Я схватилась за стойку от смеха. Он тоже рассмеялся и отступил под ровную часть навеса.

— Придется танцевать быстрее, — сказала я. — Чтобы согреться.

— Или босиком.

— Это уже требует более близкого знакомства.

— Буду знать.

Под навесом пахло деревом и пустыми фруктовыми ящиками. Дождь отделил нас от улицы плотным блестящим краем. В нескольких шагах спешили люди, мелькали поднятые над головами сумки, но сюда никто больше не забегал. Я осторожно отжала конец рукава. Вальтер снял с моей щеки прилипшую прядь волос и убрал за ухо. От простоты его движения у меня перехватило дыхание.

Он заметил. Рука задержалась у моего лица, потом опустилась.

— Я не очень понимаю, что сейчас лучше сказать, — произнес он.

— Про погоду мы уже начали.

— Да. И быстро исчерпали тему.

Мы посмотрели друг на друга и снова улыбнулись, уже тише.

— Мне тридцать семь, — сказала я зачем-то. — Можно было бы научиться не чувствовать себя так, будто меня впервые позвали гулять.

— Мне сорок, а я стоял у твоей двери и думал, не слишком ли большой принес пирог.

— Не слишком.

— Я рад, что хотя бы это сделал правильно.

Он придвинулся чуть ближе. Между нами оставалась узкая полоска сухих досок. Я смотрела на ворот его рубашки, на темную от дождя ткань у плеча, и знала, что могу сама убрать это расстояние.

— Сегодня днем я хотела тебя поцеловать, — сказала я.

Слова прозвучали удивительно спокойно. Только после них сердце застучало так, словно пришлось опять разбежаться со склона.

— Я надеялся, что мне не показалось.

— Не показалось.

Я положила ладонь ему на грудь, почувствовала под пальцами тепло и движение вдоха. Вальтер коснулся моего затылка и наклонился. Первое касание было коротким, почти осторожным. Я успела подумать, что у него теплые губы, что дождь громче музыки, что моя рука все еще держится за его рубашку. Потом он чуть отстранился, и я потянулась к нему сама.

Теперь поцелуй вышел долгим. Я перестала замечать улицу, только слышала ее где-то снаружи. Его ладонь легла мне на спину, другая оставалась у волос. Я подняла руку к его шее и почувствовала, как он улыбнулся прямо в поцелуй.

— Что? — спросила я, когда смогла.

— Ты опять зацепилась.

Под моим пальцем действительно оказался край его воротника. Я отпустила ткань, но не отступила.

— На этот раз нарочно.

Он поцеловал меня еще раз, уже не пряча улыбки.

Дождь постепенно ослаб. Под навесом стало прохладнее, и только тогда я заметила, что стою почти вплотную к Вальтеру.

— Давай немного побудем здесь, — сказала я.

— Давай.

Мы присели на широкую низкую доску у пустых ящиков. Я устроилась рядом, прижавшись плечом к его плечу. Вальтер держал мою руку, иногда проводя большим пальцем по костяшкам, и это незамысловатое движение мешало мне говорить связно сильнее, чем сам поцелуй.

Сначала мы обсуждали танцы. Оказалось, Вальтер любил шумные застолья, если к утру у него оставалась возможность уйти одному пройтись. Я призналась, что иногда соглашаюсь на приглашение только ради пирога, а потом последней перестаю смеяться. Он рассказал, как на чужом празднике его приняли за родственника. Пока он пытался объяснить ошибку, ему уже вручили тарелку и попросили следить, чтобы дети не съели все сладкое.

— Ты справился?

— С тем, чтобы объяснить ошибку?

— Со сладким.

— Почти сразу проиграл.

Я засмеялась и опустила голову ему на плечо. На мокром рукаве было прохладно, но уходить не хотелось.

Разговор дальше шел неровно, с паузами. Иногда мы возвращались к сказанному несколько минут назад. Я рассказывала о квартире над мастерской, где снизу всегда знают, что я вернулась, потому что на четвертой ступени скрипит доска. Он говорил о гостиничных комнатах, в которых невозможно запомнить, с какой стороны утром падает свет, потому что через неделю все меняется. Я спросила, не надоедают ли ему дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.